

УДК 81'37

СПОСОБЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПЕРСОНИФИКАЦИЙ-МАРКЕРОВ КОНФЛИКТНЫХ/ГАРМОНИЧНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ИНТЕНЦИЙ

Борисов А.А.

*ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
Ставрополь, e-mail: arka.dij@mail.ru*

Данная статья посвящена проблеме выявления и идентификации персонализаций-маркеров конфликтных/гармоничных коммуникативных интенций в структуре политического дискурса. Первоочередным в решении вопроса исследования маркеров конфликтных и гармоничных коммуникативных интенций в политическом дискурсе является понимание и оценка природы коммуникативной интеракции. Доказанным считается постулат о том, что дискурс политеса является особым структурным компонентом некоего интерактивного пространства, которое структурируется в соответствии с нормами построения типового текстового интерактивного пространства, вербализуя метаединицы и метасхемы, составляющие определенные «схемы действия». Объемы содержания языковых и речевых единиц в качестве вербализаторов того или иного индивидуального состояния в аспекте конфликтности/гармонизации часто не совпадают, вызывая многозначность интерпретации, значит вычленение и классификация маркеров будет осуществляться в рамках концепции интерпретативной ситуативной множественности.

Ключевые слова: конфликтное/гармоничное общение, конфликтоген, синтон, коммуникативная интенция, коммуникативный акт, персонификация-маркер, психоллингвистика

WAYS OF PERSONALIZATION-MARKERS CONFLICT/HARMONIC COMMUNICATIVE INTENTIONS IDENTIFICATION

Borisov A.A.

North-Caucasus Federal University, Stavropol, e-mail: arka.dij@mail.ru

This article is devoted to the problem of personalization-markers conflict/harmonic communicative intentions extraction and identification from the structure of the political discourse. Nature of communicative interaction understanding and estimation are vital within the researches of conflict and harmonic communicative intentions markers in the political discourse. It is proved that the politesse discourse is the structural component of an interactive space, which is structured due to the norms of typical text interaction space structure, verbalizing meta unit and meta schemes that compose definite "schemes of action". The volume of the meaning of language and verbal units as verbalizers of any individual condition in the aspect of conflict/harmonization often do not coincide, causing polysemy of interpretation, thus the extraction and classification of markers would be accomplished within the concept of interpretative situational polysemy.

Keywords: conflict/harmonic communication, conflictogen, synthon, communicative act, communicative intention, personalization-marker, psycholinguistics

Обращение к способам идентификации маркеров конфликтности/гармоничности в политическом дискурсе обусловлено как практической, так и теоретической значимостью данной проблемы в современном мире. Эта значимость коренится во взаимодействии нескольких наук – когнитивной и дискурсивной лингвистики, психологии, политологии и социологии – и обнаруживается прежде всего в том, что взаимодействие актантов коммуникации, их речевые действия, направленные на создание препятствий или устранение таковых в общении, чаще всего вызваны столкновением или общностью социально значимых аспектов языковой личности.

На базе коммуникации возникает как конфликтная ситуация, так и гармонизированное эффективное общение, однако оба эти варианта развития и репрезентации интенционального могут проявляться не только в речевой коммуникации, но и в невербаль-

ном пространстве, наблюдаемым же и анализируемым для лингвиста-исследователя может стать лишь дискурсивное пространство. По словам Н.Г. Комлева, существуют две ситуации отсутствия конфликтности в широком смысле этого слова: «при идеально слаженной интеракции на основании полного взаимного соответствия стратегических и тактических интересов общающихся и при отсутствии всякого контакта между ними» [4, с. 160], т.е. при реализации гармонизированного коммуникативного акта или же отсутствии такового.

Важным вопросом в исследовании маркеров конфликтных и гармоничных коммуникативных интенций в политическом дискурсе является понимание и оценка природы коммуникативной интеракции. Оно связано с пониманием когнитивной природы самого участника коммуникации: примарность индивидуального или социального начала позволяет нам говорить о «персонификациях-маркерах»

коммуникативных интенций. В природе интенционального модуса коммуникативного акта сочетаются и развиваются как в саморегулирующейся системе сложного порядка и внутренние (духовные, личностные), и внешние (социальные) факторы. Их диалектическое взаимодействие определяет природу и актанта, и самого акта коммуникации. Вербализованная, а значит доступная наблюдению и анализу интенциональная основа коммуникативного акта позволяет вычленить ряд параметров, характеризующих причины и характер конфликтной или гармоничной эффективной коммуникации.

Первым параметром являются непосредственные участники коммуникации, поведение которых обусловлено либо социальными (внешними), либо психологическими (внутренними) факторами. Внешние регуляторы – это нормированность и традиция, бытующая в конкретном лингвокультурном сообществе, к которой и могут принадлежать участники коммуникации; социально обусловленные конвенциональные аспекты; «схемы действия по производству» речевого продукта, усвоенные по «метаединицам» производства; необходимо и исполнение участниками коммуникативного акта социальной роли, связанной с социальным статусом участника. Внутренние же факторы, гармонизирующие или дисгармонизирующие ситуацию общения, имеют в большей мере психологические характеристики, чем лингвистические, – это и тип личности как психологический, так и коммуникативный, который и является базовым для вычленения персонификаций-маркеров [6, с. 129].

Вторым параметром будет служить сама система языка и речевая практика, характеристиками которых являются базовые и вариативные единицы, т.е. соотношение языка и речи как явлений внешнего и внутреннего порядка. Кодификационная и конвенциональная природа языка позволяет вычленить его социальный аспект, который и является главным условием, обеспечивающим возможность общения. Речь же является индивидуальным феноменом, зависящим в большей мере от констант интенциональности, ситуативности, модальности, это акт творимости когнитивного порядка. Именно ситуативность и вариативность речи обеспечивает свободу выбора языковых средств репрезентации интенционального содержания и определяет своеобразие речевых тактик каждого конкретного актанта в коммуникации. Именно прагма-импликационная

адаптация языковых средств с учетом фактора адресата, дающих возможность адекватно передать содержание, следование и ориентацию на «прогностические стратегии» [2] собеседника, гармонизирует общение.

Следует отметить, что дискурс политеса является особым структурным компонентом некоего интерактивного пространства и, значит, структурируется в соответствии с нормами построения типового текстового интерактивного пространства, вербализуя метаединицы и метасхемы, составляющие определенные «схемы действия». Политический дискурс является иерархическим набором не/стандартных коммуникативных актов; как диалогическая, так и монологическая коммуникация данного типа дискурса строится на определенной системе сигналов-маркеров, каждый из которых связывается в рефлексивном пространстве с конкретной ситуацией семиозиса и определенным, чаще всего стереотипизированным интерактивным пространством, в котором «разыгрывается» фреймовый иллюкативный сценарий со строгой регламентацией коммуникации в последовательности схематизированных цепочек-ходов. Персонификации-маркеры дискурса политеса в аспекте конфликтогенов и синтонов реализуют фреймоорганизующую роль его единиц, формирующих в прогностическом развитии конфликтный или же гармонизирующий конструктивный тип взаимодействия в коммуникативно-социальной, коммуникативно-регулятивной и собственно интерактивной коммуникативной деятельности.

Эксплицитными языковыми персонификациями-маркерами межличностного и внутриличностного конфликта или гармонии в разноструктурных языках на лексическом уровне выступают сравнительные обороты, зачастую характеризующие внутренние составляющие конфликтной ситуации в объективной реальности и в коммуникативном акте, или же дескрипторы внешних проявлений эмотивной составляющей конфликта, что происходит с помощью снижения или повышения градации в константе модальности (пейоративизация или мелиоративизация семантики). Существуют и невербальные и паравербальные экспликативные конфликтности/гармоничности высказывания – это, прежде всего, семантически нагруженные тональные компоненты невербального кода речевой коммуникации, просодические элемен-

ты, хезитаторы и имплицативно значимые паузы, семиотизирующие в рамках коммуникативного акта комплексы физиологических реакций, мимические действия и жесты. Именно композиционно-речевая форма описания в текстовой реальности репрезентирует эти паравербальные средства. Категориальной характеристикой репрезентации ситуации конфликта/гармоничности служит прагматическая ориентация на вовлечение адресата в сотворчество по выстраиванию высказывания/текста, что требует осмысления, вскрытия глубинного смысла в представлении характеров персонажей, целенаправленной когнитивной работы с текстом, вовлечения константы фоновых знаний и априорное принятие постулата о множественности интерпретаций.

В сфере лингвокогнитивного персонификациями-маркерами конфликтности/гармоничности вербализуемой ситуации служит, прежде всего, степень освоенности информации относительно ситуации, общий конфликт или совпадение личностных представлений, процесс порождения и деструкции возможных миров, разрыв во времени между восприятием и узнаванием вербального объекта и рефлексивного заключения по предмету высказывания по причине неподготовленности восприятия. Конфликтогеном и персонификацией-маркером как внутреннего, так и внешнего конфликта иногда служит обусловленная ситуацией семиозиса необходимость представления рефлексивной реальности как результата субъективно представленной рецепции вертикального контекста, что характерно в условиях дефицита информации и интериоризации объективной реальности в структуры внутреннего плана сознания. Виртуализация событий объективной реальности может иметь в процессе вербализации различный глубинный характер: фальсификации, дозирования информации, дезинформации и т.п. Константами в продукции/рецепции и дезобъективации персонификаций-маркеров конфликтности/гармоничности являются индивидуально-личностная идентификация и определение, выступающие в различных контекстах, с одной стороны, как конфликтогены (источники конфликтизации вербального общения), а с другой стороны как синтоны (вербализаторы, служащие снижению градуса конфликтности и последующей гармонизации ситуации).

В ткани текста подобная конфликтная/гармонизирующая модальность выражается чаще всего в пассажах описания ментальных мук, сомнений, тревог,

удовлетворения, дискомфорта, стыда или восторга, вербализованного когнитивного диссонанса в теоретическом знании и практическом применении, развития ментальной когниции из степени неуверенности в степень убежденности, ситуации открытого выбора в условиях неопределенной ситуации, радикального неприятия или полного принятия информации, не согласующейся или полностью совпадающей с концептуально-валерной системой актанта коммуникативного действия, напряженности выборной реакции. Лингвистическая вербализация некоторых состояний представляет особую группу персонификаций-маркеров: отрицание, сопутствующее в языковом выражении низкой оценочной модальности высказываний, сравнения (в том числе инвективные), метафоризация, антонимические конструкции, сослагательное наклонение для вербализации гипотетичности актов мышления, безысходность в форме риторического вопроса, синтаксические структуры уступки в выражении неприятия контрадикторной с концептуально-валерной системой информации; прерывистость речи, восклицания и лексические повторы в репрезентации различной степени удивления, шока или аутокоммуникация в пространстве диалогической речи. Паралингвистическая экспликация персонифицированного конфликтогена или синтона представлена семантически значимым молчанием, выраженным в тексте многоточием, голосовыми характеристиками, репрезентированными в тексте параграфемными средствами, кинестетикой актантов коммуникации.

Конфликтогены и синтоны характеризуются в различных контекстах как универсальностью, так и ситуативностью. Однако в некоторых коммуникативных актах персонификаторы-маркеры могут претерпевать «интенциональную амфиболию как наложение, предполагающее неоднозначное многомерное толкование (изначально заложенное)» [1, с. 123], ведь в зависимости от ментального состояния участников коммуникации некоторые синтоны вербализации радости, благополучия, толерантности и эмпатии могут являться конфликтогенами для контркоммуниканта.

Возвращаясь к вербальной составляющей, следует отметить, что сама природа языковой единицы (полисеманτικότητα, грамматическая многозначность, омонимичность, динамичность и контекстуальная вариативность, отсутствие естественно усматриваемой связи между

сигнификатом и сигнификантом, равно как и между вербализатором и десигнантом, вторичная номинация (часто в знаковой системе в субразрядах данной системы, первичная номинация в форме нерасчлененного языкового знака и в сочетаемости в рамках горизонтального линейного контекста в форме знака расчлененного) [7, с. 167] представляют широчайшие возможности наполнения разнообразным глубинным содержанием единиц языка в речевой презентации. Объемы содержания языковых и речевых единиц в качестве вербализаторов того или иного индивидуального состояния в аспекте конфликтности/гармонизации часто не совпадают, вызывая неоднозначность интерпретации, рождение в высказывании нового многомерного смысла, что ведет как к непониманию и нежелательным эмоциональным эффектам сигналов напряженности в коммуникации между участниками, которые служат и персонификациями-маркерами речевого конфликта/гармонии. Для реализации конфликтности/гармоничности в коммуникативном акте требуется особый механизм персонификации, который бы приводил в действие вышеозначенные маркеры. Индивидуально и ситуативно обусловленное речепорождение и является этим механизмом: «события излагаются так, что читателю представляется, как будто персонаж действует один, вне общественного контекста и без участия других субъектов действия» [5, с. 43]. Только во взаимосвязи с интенциональным началом в индивидуальном речевом акте «виртуальный языковой знак» вербализует актуальный смысл, а значит актуализирует гармонизирующие и конфликтопровоцирующие имманентные потенции. Персонифицированная актуализация или же неактуализация обертонов смысла в языковой единице, создающие или нивелирующие ситуацию конфликта, зависят от общей коммуникативной ситуации с главными актантами, чей коммуникативный потенциал и языковая компетенция с контактными или дистантными отношениями к проблематике позволяют создать или устранить коммуникативные помехи. Стратегией конфликтизации/гармонизации в данном случае может послужить дистанцирование, «предусматривающее отделение точки зрения субъекта коммуникации на описываемые события от приводимых в тексте оценок самими участниками происходящего. При этом наблюдается диссимметрия изображения событий – при константности изображе-

ния фактов варьируются их истолкования» [5, с. 46]. Здесь снова в действие вступает общепризнанный постулат о множественности интерпретаций, что позволяет либо полностью устранить коммуникативные помехи или же наоборот, актуализируя их, полностью нарушить ход коммуникации.

Подводя итоги, необходимо отметить следующие этапы маркирования конфликтности/гармоничности в коммуникативном акте. Во-первых, это параречевые факторы – когнитивно-валерная система во взаимосвязи с социальным и психологическим типом участников коммуникации, которые и обуславливают установки актанта на избирательное взаимодействие с другими коммуникантами. Именно данные установки формируют иллюкативное исходное и интенциональные цели, которые в процессе речепорождения влияют на выбор речевых стратегий и языковых средств. Во-вторых, все компоненты конфликтного или гармоничного речевого акта: параречевые факторы, речевые стратегии, являющиеся регуляторами тактик речевого поведения с огромным набором средств реализации и маркирования (прямые инвективы, недосказанность, намек и аллюзии, амфиболия, речевые имплицатуры). Именно благодаря восстановлению иерархической структуры компонентов речевых единиц при феноменологической или ноэматической рефлексии становится возможным само отождествление понимаемого и узнаваемого в коммуникативном акте [3].

Любая конфликтная ситуация, как и гармонизация интенциональных компонентов в социуме имеет как языковую, так и речевую репрезентацию. На различных уровнях реализации коммуникативного акта язык и речь имеют как конфликтогенные, так и синтонные свойства, провоцирующие участников коммуникации на соответствующее прагматике речевое поведение. Использование персонификаций-маркеров интенционального исходного и цели в конфликте определяется социальными, психологическими, лингвистическими факторами, обусловленными коммуникативным контекстом в целом.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Толерантность как компетентностная составляющая коммуникативно гибкой языковой личности в условиях поликультурного Северо-Кавказского региона», проект № 15-04-00126.

Список литературы

1. Бредихин С.Н. Трансформации в речевом потоке: производство смыслов и управление деривационными моделями // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 1 (038). – С. 115–124.

2. Бредихин С.Н. Схемопостроение в рамках метаединиц герменевтического процесса понимания и интерпретации // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4; URL: www.science-education.ru/118-13920 (дата обращения: 21.04.2015).

3. Бредихин С.Н. Иерархическая номатическая суперструктура vs. фрейм в смыслопорождении концептуальных понятий // Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 2; URL:www.hses-online.ru/2013/02/10_02_19/13.pdf.

4. Комлев Н.Г. Лингво-семантические мотивы возникновения и разрешения межперсонального конфликта // Тезисы VI всесоюз. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1978. – С. 154–178.

5. Милостивая А.И., Серебрякова С.В. Идеологический потенциал диссимметрии в политическом нарративе // Политическая лингвистика. – 2010. – № 3. – С. 41–49.

6. Третьякова В.С. Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 127–140.

7. Уфимцева А.А. Знак языковой // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 167.

References

1. Bredikhin S.N. Transformatsii v rechevom potoke: proizvodstvo smyslov i upravlenie derivatsionnymi modelyami // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2014. no. 1 (038). pp. 115–124.

2. Bredikhin S.N. Skhemopostroenie v ramkakh metaedinits germenevticheskogo protsessa ponimaniya i interpretatsii // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2014.

no. 4; URL: www.science-education.ru/118-13920 (data obrashcheniya: 21.04.2015).

3. Bredikhin S.N. Ierarkhicheskaya noematischeeskaya superstruktura vs. freym v smysloporozhdenii kontseptual'nykh ponyatij // Gumanitarnye i sotsialnye nauki. 2013. no. 2; URL:www.hses-online.ru/2013/02/10_02_19/13.pdf.

4. Komlev N. G. Lingvo-semanticheskie motivy voznikoveniya i razresheniya mezhpersonalnogo konflikta // Tezisy VI vsesoyuz. simp. po psikholingvistike i teorii kommunikatsii. M., 1978. pp. 154–178.

5. Milostivaya A.I., Serebryakova S.V. Ideologicheskii potentsial dissimmetrii v politicheskom narrative // Politicheskaya lingvistika. 2010. no. 3. pp. 41–49.

6. Tret'yakova V.S. Konflikt glazami lingvista // Yurislngvistika-2: russkiy yazyk v ego estestvennom i yuridicheskom bytii. Barnaul, 2000. pp. 127–140.

7. Ufimtseva A.A. Znak yazykovoy // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar. M., 1990. pp. 167.

Рецензенты:

Серебрякова С.В., д.фил.н., профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода, Гуманитарный институт, ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь;

Гусаренко С.В., д.фил.н., профессор, декан факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Гуманитарный институт, ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.